

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Языки Дагестана / Под общей редакцией Г.Г. Гамзатова. Махачкала; Москва, 2000. 553 с.

Книга состоит из введения, основной части и приложений. Во вводной части содержатся три статьи. Автор первой из них, главный редактор серии "Языки народов России" академик Академии естественных наук РФ В.П. Нерознак, знакомит читателей с планами издания энциклопедической серии и отмечает: «Основной таксономической единицей в энциклопедическом описании в серии "Языки народов России" станет конкретный язык вне зависимости от числа говорящих на нем» (с. 8). Такое внимание к языкам восходит к гумбольдтовской философии языка, приверженцем которой выступает автор: "Как ценнейший объект природного и культурного наследия всего человечества язык каждого народа есть вклад в мировую цивилизацию" (с. 8). Такое же осмысление вопроса о языках положено в основу статьи "Язык – душа и имя народа" члена-корреспондента РАН Г.Г. Гамзатова, который обладает глубокими и всесторонними знаниями о языковой ситуации в Дагестане. Он совершенно справедливо отмечает: "Нужна оптимальная концепция национальной политики и национального развития, концепция цивилизованных национальных отношений" (с. 16). Такой вывод становится понятным, если ознакомиться с обобщенным социолингвистическим портретом дагестанских языков, данным в статье Н.С. Джидалаева "Языковая жизнь Дагестана". Читателя не может не тревожить то, что "в городах и поселках с национальным смешанным населением... национальные литературные языки, можно сказать, практически не функционируют ни в одной значимой для литературного языка функции" (с. 31). И это вполне объяснимо, если учесть то, что в Дагестане активно осуществлялась "в течение десятилетий идея по стимулированию ускорения так называемого процесса консолидации народов Дагестана и формированию на этой основе общедагестанской нации с русским языком" (с. 32).

Основная часть книги содержит равные по объему и написанные по единой схеме очерки по тринадцати литературным языкам – аварскому, агульскому, азербайджанскому, даргинскому, кумыкскому, лакскому, лезгинскому, ногайскому, рутульскому, табасаранскому, татскому, цахурскому, чеченскому (с. 45–255), по четырнадцати бесписьменным языкам – андийскому, арчинскому, ахвахскому, багвалинскому, бежтинскому, ботликскому, гинухскому, годоберийскому, гунзибскому, каратинскому, тиндинскому, хваршинскому, цезскому, чамалинскому языкам (с. 275–480), по четырем языкам дагестанской группы, распространенным за пределами Дагестана: будухскому, крызскому, удинскому, хиналугскому (с. 483–540).

Схема очерка содержит экстралингвистические (территория распространения, количество говорящих на языке, диалектная дифференциация, наличие/отсутствие письменных памятников языка, наиболее значительные публикации) и интралингвистические (фонетика, морфология, синтаксис и лексика) сведения. Очерки написаны известными специалистами, имеющими высокие ученые степени и научные звания, для которых, как правило, описываемый язык является родным и/или которые свободно им владеют.

Самостоятельную ценность представляют приложения (с. 542–551): 1) перечень языков, наречий, диалектов, говоров языков Дагестана; 2) данные о численности народов Дагестана (по переписи населения 1989 г.); 3) данные об уровне владения народами Дагестана русским и другими языками (по переписи населения 1989 г.); 4) сведения об авторах книги. Заметим, материалы, содержащиеся в первых трех приложениях, даются и в очерках по конкретным языкам.

Справочник рассчитан на широкого, массового читателя, который, без сомнения, извлечет из него много полезной и интересной информации о том или ином дагестанском языке.

Вместе с тем у читателя возникает ряд вопросов, положительное решение которых, с одной стороны, расширило бы информационное поле издания, с другой стороны, не только подняло бы научный уровень энциклопедического справочника, но и удовлетворило бы потребности читателя, интересующегося судьбами языков, культур народов в советское и постсоветское время.

1. Вызывает недоумение дозировка информации, неравноценность разделов грамматики. В таком солидном издании хотелось бы видеть не повторение схемы описания языка, которая широко была распространена в 20-е годы прошлого столетия и согласна которой фонетика и морфология образуют костяк языкового организма, а лексика и синтаксис находились на положении падчериц языка.

Так и остается непонятым, почему в языковых очерках отсутствуют сведения о промежуточных уровнях языка – морфонологии, фразеологии и словообразовании. Между тем первые шаги исследования морфонологических проблем дагестанских языков показывают не только межъязыковые универсалии, но и демонстрируют исключительное своеобразие морфемных швов языков Дагестана. Полагаем, что нельзя было в описательных очерках игнорировать и фразеологию дагестанских языков. Фразеология нужна не ради фразеологии. Отсутствие этого раздела приводит к искажению языковой системы, к неправильной интерпретации языковых единиц, смешению понятий "слово", "фразеологизм", "глагол", ср. приводимые в разделах по лексике, наряду со словами, как лексические единицы: *ишлемиш anlub* 'использовать', *бахшиш anlub* 'подарить', *тебрик anlub* 'приветствовать' (с. 216), *кагъара-арси* 'бумажные деньги', *соб этлмус* 'ворожить', *берхтен члор* 'луч солнца' (с. 304), *бакларзи рода* 'собирать' (с. 466) и т.д. Очерки продолжают устаревшую практику представления явлений словообразования на лексическом уровне.

2. Никак не удовлетворяют читателя очерковые сведения по лексике и синтаксису. Не во всех очерках они имеют одинаковый объем; по некоторым языкам эти разделы изложены чрезмерно скудно, в 4–10 строчках (см. очерки по лексике агульского, багвалинского, ботлихского, гинухского, годоберинского, гунзибского, каратинского, цахурского, чамалинского, чеченского языков). В некоторых очерках параграф, посвященный лексике, изобилует сведениями, которые не имеют никакого отношения к этой теме и напоминают юбилейные отчеты научного учреж-

дения советского периода (см. раздел по лексике азербайджанского языка).

3. Не получает читатель ответа на вопрос, сколько все-таки языков в Дагестане. В одной из статей, представленных во введении, называется "около 30", в самом справочнике представлен 31 язык, в различных источниках, изданных под грифом академических научных учреждений, перечисляются еще и такие языки, как кубачинский, мегебский. В публикациях некоторых даргиноведов называются еще и другие языки даргинской группы. Наверное, давно настала пора принять определенное решение по дискутируемому вопросу, тем более что еще с XIX в. языковедение располагает надежными схемами, устанавливающими границы говоров, диалектов (наречий) и языков (см. хотя бы схему Ф.Ф. Фортунатова).

4. Вызывает сомнение правомерность наличия в справочнике под названием "Языки Дагестана" описания азербайджанского и чеченского литературных языков. Да, на территории Дагестана функционируют и чеченский (аккинский), и азербайджанский (дербентский диалект/говор) языки. Но они отличаются от соответствующих литературных языков на территории Чечни и Азербайджанской Республики. На наш взгляд, особенности названных "дагестанских" языков и для лингвистики, и для социолингвистики представляют не меньшую ценность, чем описанные в многочисленных справочниках соответствующие литературные языки. Более того, для дагестанских чеченцев и азербайджанцев значительно интереснее было бы увидеть в рецензируемом справочнике сведения о своем родном языке. В связи с размышлениями об объекте описания и наличии в справочнике раздела о "Языках дагестанской группы, распространенных за пределами Дагестана" (выделено нами. – А.Г.), читатель не может не задать вопроса: в какой степени оправдано игнорирование факта "распространенности" языков дагестанских диаспор в странах Ближнего Востока, тем более что в последние 15–20 лет накопилось множество литературы по обсуждаемому вопросу, см. [Гюльмагомедов 1998], и международная ассоциация "Ватан" проводит большую и многостороннюю работу по углублению и расширению связей между зарубежными дагестанскими диаспорами и их исторической родиной.

Никак нельзя оправдать и факт отсутствия в Справочнике очерка, посвященного русскому языку, объявленному Конституцией Республики Дагестан государственным языком. Функционированию русского языка в Дагестане посвящена большая литература,

см [Гаджиев 1981] и сделана попытка осмысления его феномена в Дагестане [Гюльмагомедов А., Гюльмагомедов Г 1995]

5 В век больших социальных и политических потрясений, каким является период с 1917 года на территории распространения дагестанских языков, особую актуальность приобретают вопросы э к о л о г и и языка. В 1992 году А.Е. Кибрик, сделавший и делающий многое для дагестанского языкознания, пишет, что таким дагестанским языкам, как гинухский, гунзибский, арчинский, хиналугский, будухский, хваршинский, тиндинский, годоберинский, удинский, крызский, потенциально угрожает опасность исчезновения [Кибрик 1992: 78]. Предпринимаются шаги по сохранению подобных языков [Красная книга 1994], выражается обеспокоенность по поводу дискомфорта, испытываемого л и т е р а т у р н ы м и языками и дагестанскими языками на своей и с т о р и ч е с к о й родине как на территории Дагестана, так и за пределами Дагестана (т е в Азербайджане) [Гюльмагомедов 1995]. Конечно, отсутствие эксплицитно выраженной позиции по данному вопросу в рецензируемом справочнике в отношении всех языков (литературных, бесписьменных, представленных и в Дагестане, и за пределами Дагестана на своей исторической родине) не может не вызвать чувство досады и сожаления у читателя.

6 Остаются непонятными критерии, определяющие статус письменного языка. В одном из очерков читаем «Письменные памятники на даргинском языке известны с XVII в., Стандартизованная (наверное, стандартизированная – А.Г.) письменность развивается с 20-х гг. XX в. сначала на основе арабской, латинской графики, а с 1938 года – на русской графической основе» (с. 99). Во втором предложении обнаруживаются отголоски идеологизированного лингвистического мышления советского периода, они звучат и в других очерках по литературным языкам. Более того, почему-то авторы очерков по аварскому, даргинскому, кумыкскому, лакскому, лезгинскому языкам, рассуждая о сроках возникновения письменности, не отмечают учебной и другой литературы, написанной на основе графики, разработанной П.К. Усларом и изданной не только в XIX в., но и в начале XX в. Здесь мы хотели акцентировать внимание читателей и составителей на таком вопросе: можно ли назвать язык бесписьменным, если на этом языке составлен словарь, издан переводная литература? Почему бежтинский язык считается бесписьменным, если бежтинцы располагают большим бежтинско-русским словарем [Халилов 1995], Евангелием от Луки [Рохеллис Хабар 1999] в переводе на бежтин-

ский язык? Неужели нужно решение обкома партии или республиканской администрации, узаконивающее наличие письменности?

7 Не во всех очерках названы значительные публикации, необходимые читателю для изучения того или иного языка: 1) Русско-кумыкский словарь. Более 40 000 слов. Махачкала, 1997, 2) Русско-лакский словарь. 34 000 слов. Сост. Г.Б. Муркелинский. Махачкала, 1953, 3) А.Г. Гюльмагомедов. Действительность. Етима Эмина. Словарь языка Махачкала, 1997.

8 Приходится сожалеть, что в некоторых очерках встречаются тексты, требующие дополнительной стилистико-пунктуационной и содержательной правки, например: Степень близости этих диалектов друг к другу и к литературному языку проявляется в различной степени (с. 98), Заимствованы не только слова, но и цельные терминологические системы (с. 271), Андийцы кроме родного андийского языка владеют андийским и русским языками (с. 275).

Не бесспорны данные об уровне владения народами Дагестана русским и другими языками. Так, например, отмечается, что, по переписи 1989 г., 53% лезгин свободно владеют русским языком (с. 548). Между тем во всех источниках, в том числе, на который ссылаются составители таблицы, указываются не 53%, а 68%.

Несмотря на наши замечания и пожелания, книга «Языки Дагестана» станет настольной для широкого круга читателей, интересующихся культурой и языками народов Дагестана, которые с чувством благодарности к авторскому коллективу и научному учреждению, подготовившему данное издание, не раз будут обращаться к ней в поисках необходимых справок по дагестанским языкам*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гаджиев А. 1981 – Великий русский язык – средство межнационального общения и приобщения народов Дагестана к достижениям научно-технического прогресса. Махачкала, 1981.
- Гюльмагомедов А.Г. 1998 – К проблеме исследования языков дагестанского Зарубежья // Языкознание в Дагестане. 1998. № 2.
- Гюльмагомедов А.Г. 1995 – Национальные языки Дагестана. Происхождение, связи, состояние (научная беседа). Махачкала, 1995.

* Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования Российской Федерации «Языкознание в Дагестане» (Г00-16-458).

Гюльмагомедов А Г Гюльмагомедов Г А
1995 – Русский язык с дагестанским укло-
ном // Народы Дагестана Этнос и поли-
тика 1995 № 1(9)
Кибрик А Е 1992 – Очерки по общим и при-
кладным вопросам языкознания М , 1992
Красная книга 1994 – Красная книга языков

народов России Энциклопедический словарь-
справочник М , 1994
Халилов М Ш 1995 – Бежтинско-русский сло-
варь Махачкала, 1995
Рохеллис Хабар 1999 – Лука мейо / Рохеллис
Хабар М , 1999

А Г Гюльмагомедов